

Один без присмотра / One Untended (рассказ)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Один без присмотра / One Untended (рассказ)



Автор	Дэвид Гаймер / David Guyer
Переводчик	Serpent
Издательство	Black Library
Серия книг	Готрек Гурниссон / Gotrek Gurnisson (цикл)
Год издания	2018
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

«Господин.

Артефакт находится в пределах досягаемости, но возникли определённые сложности и я не могу отправить сообщение, как вы просили. Я могу только надеяться, что эта записка будет восстановлена одним из ваших других агентов и доставлена вам вместо меня. Я всё ещё в Двухвостом городе и, похоже, останусь здесь ещё на некоторое время. Мне просто нужно ещё немного времени.

Я не подведу вас.

Всегда и навеки верная слуга Азира, Маленет Ведьмин Клинок».

— Проваливай, альвиечка, — нахмурился Готрек. — Это не предназначено для твоих хорошеньких глазок.

Маленет закатила свои «хорошенькие глазки», пока Готрек, опёршись рукой на увитый плющом угол кирпичной стены, склонился над открытой сточной канавой, что шла вдоль заднего двора «Пропущенного удара». Она с небрежным восхищением анатома наблюдала, как волновались и изгибались могучие узлы мышц, опоясывающие его спину. Дуардин поднял голову и бросил на неё косой взгляд поверх единственной пластины чёрной брони, нацепленной на его левое плечо.

Его единственный здоровый глаз налился кровью, а неестественно состарившаяся кожа была даже более дряблой и обветрившейся чем обычно. Его высокий огненно-рыжий гребень волос лежал на львиной голове, украшавшей наплечник, вымоченный в пиве, в луже которого он уснул.

— Я ж говорил тебе, — его горло внезапно сжалось, лицо побледнело. Красный свет уличных фонарей скользнул по дуардину. — Борода Грунгни.

После этих слов его скрутило и обильно вырвало в сточную канаву.

Маленет похлопала по сморщенной коже на затылке.

— Ну-ну.

— Я ненавижу тебя, альвиечка, — прорычал Готрек между рвотными позывами. — Ненавижу тебя и всю твою тёмную родню.

— Я знаю.

Несколько минут спустя желудок Готрека прекратил извергать съеденное, и дуардин сплюнул в канаву последние куски зелёной колбасы и глазуньи из яиц гирмыши.

— Со мной такого никогда не случалось.

— Уверена, ты говоришь это всем девушкам.

Готрек впился в неё взглядом.

— Шутка.

— Думаю, в моё пиво попала какая-то дрянь, — пожаловался Готрек.

Маленет сочувственно кивнула. В пиве дуардина действительно была кое-какая «дрянь». Даже не одна. Готрек был известен своей стойкостью к отраве, но то количество могильного запора, сердечного приступа и алого клевера, что дуардин любезно съел за последние полтора дня, свалило бы даже гиганта. Он должен бы свернуться калачиком на заросшем дворе, истекая кровью из всех отверстий, а не жаловаться на несварение.

Маленет посмотрела в ночное небо, пытаясь определить который сейчас час.

Луны были окутаны осенними красками. Даже когорта спутников владения откликнулась на

живительную песнь Вечной королевы, и ясной ночью Маленет могла разглядеть листву, колышимую ветрами иных миров. Но эта ночь была другой. По лунным ликам проплывали обрывки тёмных облаков. Тонкий туман укутывал скрипящие деревянные стены доходных домов и навесы Душащих лоз, и даже нечеловечески холодное дыхание Маленет обращалось в облачка пара перед её лицом. Было далеко за полночь.

Она вздохнула, пока Истребитель утирал засохшую рвоту, стоя над канавой. Он уже трижды должен был быть мёртв. Но даже в его нынешнем состоянии она не хотела рисковать, торопясь. До этого она дважды дралась с дуардином и оба раза лишь чудом унесла ноги. А это было ещё до того, как он приобрёл старшую руну у огненных истребителей, увеличив свою и без того немалую силу в десятки раз. Руна тихо глела на покрытой шрамами, изуродованной огнём груди. Иногда, когда Истребитель напивался до такого состояния, что отключался, она шептала, хотя на языке, который не был похож ни на один из слышанных альвийкой. Нет. Она принадлежала к фантастически долгоживущей расе. Если не считать ножа в спине она могла позволить себе немного терпения.

— Ну же, Готрек, — заговорила она. — Мне кажется, ты оставил там пиво без присмотра.

— Дай мне минутку, чёрт тебя дери.

Прежде чем она успела продолжить свои уговоры, задняя дверь таверны распахнулась. Ещё одна группа пьянчуг вывалилась через прямоугольник дрожащего марева тепла на залитый лунным светом двор. Похоже, они были вооружены, чем-то расстроены и все без исключения пьяны. Не самое приятное сочетание, как показывал опыт Маленет. Даже в более приличном заведении. А даже в Душащих лозах Гирского Молотохолла не было места менее приличного, чем «Пропущенный удар». Готрек отыскал путь в его двери, как слепая женщина находила свою кровать.

Стараясь избежать проблем с местными, она кивнула им через двор, как будто стоять над блюющим в канаву дуардином глубокой ночью было обычным делом в Гиране. К облегчению Маленет, они полностью проигнорировали её, слишком сосредоточенные на собственном шепчущем споре, чтобы обратить внимание даже на диковинный облик Готрека.

Неожиданно из дверей, вслед за бандой вооружённых пьянчуг, босиком выскочила молодая женщина в ночной рубашке и тонкой шали. По её щекам текли слёзы, пока она кричала что-то вроде «Тамбрин». Именно её страдания, а не крестьянская привлекательность и степень раздетости заставили Маленет отбросить свои опасения привлечь внимание и повернуться посмотреть. Она прошла долгий путь от девушки, убивающей кошек в ссоре и похищающей соседских детей, но всё же по-прежнему находила боль других завораживающей. Дородный мужчина в льняном жилете в пятнах пота попытался накинуть пальто ей на плечи. Его голова походила на плаху палача, вся в порезах и пятнах крови, и необычно отсутствующими частями там, где определённо что-то должно было быть. Женщина била его кулаками по груди, пока он не сдался. Другие пьяницы, столь же смущённые, сколь Маленет была зачарована, теребили пряжки и ремни.

Их было двое, оба люди, обоих Маленет назвала бы старыми, хотя они и были как минимум на сто лет младше неё.

Один был одет в слои тонкой, потёртой кольчуги, которая, казалось, несла больше декоративные, чем защитные функции. Венок из сухих листьев и цветов сидел на жёсткой щетине седых волос. У него был молот с длинной ручкой.

«Следующий шаг в культурной капитуляции Гирана», подумала Маленет.

Сила азиритов была непреодолимой во всех её проявлениях. Старые веры адаптировались к доктринам Азира и заимствовали их, чтобы оставаться актуальными для нового порядка, или же полностью поглощались верой зигмаритов. Воин-жрец Алариэль был крайним проявлением одного.

Маленет чувствовала себя уникальным судьей — теневой клинок Кхаина, теперь агент ордена Азира. Или, по крайней мере, была. Её неспособность вернуться в орден вместе со старшей руной мало способствовала ослаблению понятного недоверия к ней её нынешнего начальства.

Вторую фигуру разглядеть было труднее. Она, словно подчиняясь давней привычке, держалась затенённых уголков двора, тёмный капюшон из-за мороза был натянут так плотно, что наружу не выбивалась ни единая прядь. Её плащ был сделан из зелёных листьев, причём настоящих, а не стальных подделок, как у воина-жреца. На свету они изменяли свой цвет, превращаясь из чёрного в осенне-красный, стоило облакам перечертить лунные лики. Однако, несмотря на это экзотическое качество, одежда была изрядно поношенной, заляпанной грязью, залитой пивом и кровью, и, похоже, с самого начала имевшей чисто функциональное назначение. Единственное, что отличало эту женщину от разбойника или оказавшегося на мели бандита с большой дороги — вереница значков роты на воротнике. Они отмечали её как бывшего члена Вольной гильдии. Быть может, даже одну из егерей Живого города, если судить по одежде, а они были известны в Гиране как лучшие разведчики и следопыты во всех Владениях смертных. Маленет припомнила несколько битв. Самая последняя произошла пятнадцать лет назад.

— Что там? — спросил Готрек.

— Ничего.

— Правда? Потому что звучит оно так, будто кто-то потерял ребёнка.

— Как я уже и говорила, — ответила Маленет, — ничего, — однако Истребитель уже направлялся к вооружённой компании. Она выругалась. Стоило кому-то заговорить о том, что Готреку было действительно интересно, как слух дуардина сразу становился столь же острым, как у любого тёмного альва.

— Ты должен был присматривать за ним, пока я была на ночном рынке, Юнас, — кричала обезумевшая женщина, когда к ним подошёл Готрек.

— Сегодня была грубо выглядевшая компания, Мадга, — защищаясь, ответил здоровяк, Юнас. — Хельмлан хотел, чтобы у дверей был ещё кто-нибудь на всякий случай. Что мне было делать?

— Кстати о выглядевшей грубо компании, — пробормотал воин-жрец, его глаза расширились, когда он увидел приближавшегося к ним Готрека с обвисшим ярко-рыжим хохлом. После чего он ловко ушёл с пути Истребителя.

— Я слышал, кто-то потерял ребёнка, — заговорил Готрек усталым голосом, как будто кто-то бросил в разговор кусок гранита.

— И какое тебе дело? — ответил Юнас. — Я не знаю тебя.

Мадга дала ему пощёчину. Маленет заметила, как напряглись бицепсы здоровяка. Её рука потянулась к поясу с ножами, но как бы его это не разозлило, он всё же сдержался.

— Я знаю вас, — медленно проговорила бывшая вольногильдийка. — Вы огненный истребитель, который

дых на столе Хельмлана.

Блеснувшая в единственном глазу Готрека злоба заставила даже этого ветерана невольно отступить на шаг.

— Я не огненный истребитель, женщина.

— Моя ошибка, господин дуардин.

— Угу. Так и есть.

— Моё имя — Мадга, — заговорила молодая женщина, вытирая слёзы с лица рукавом ночной рубашки, словно стараясь привести себя в порядок перед вечно взъерошенным Истребителем. — Это мой муж, Юнас, — питейный забияка скрестил руки на груди. Маленет узнала проявление угрожающей мужественности, стоило ей взглянуть на него. Мышцы набухли, и перекатывались под кожей, брови грозно нахмурились. словно одичавший уличный звёздный змий. — Жрец — Аланаэр, — старик старательно изобразил пьяный поклон, и кольчуга из металлических листьев сверкнула, переливаясь в лунном свете. — Егеря Вольной гильдии зовут Халик, — женщина, носившая это имя, кивнула. — Любой, кто пьёт достаточно часто в «Пропущенном ударе», чтобы завести знакомство с моим мужем — не тот тип людей, кому бы я доверила свою семью, но тот, кто готов бросить всё это, ради того, чтобы глубокой ночью отправиться на поиски мальчика, не может быть настолько плох, не так ли?

Маленет не думала, что это изначально было вопросом, но надежда в голосе молодой девушки заставила звучать её слова именно так. Жрец, Аланаэр, слабо улыбнулся, должно быть вспоминая, когда о нём так хорошо отзывались в последний раз.

— У вас есть дети? — спросила Мадга.

Готрек усмехнулся.

— Приглядишься ещё разок, девочка. Если эта когда-нибудь дотронется своими клешнями до ребёнка, то, скорее всего, снимет с него кожу живьём. И съест.

Маленет кивнула.

Молодая женщина побледнела.

— Я... я имела в виду вас, господин дуардин.

Готрек скривился, будто от застарелой зубной боли, и пробормотал что-то неразборчивое на архаичной форме языка Обездоленных, его дыхание образовало облачка пара в морозном воздухе. Затем он топнул ботинком по булыжникам, похоже испытав слабое, но всё же утешение, раздавив пробившиеся между ними цветы.

— Эта коллекция оружия, которую вы на себя нацепили, нужна для поиска пропавшего ребёнка? — вступила в разговор Маленет.

— Кто-то видел, как мальчик направлялся к одному из входов в катакомбы, — ответила Халик.

Готрек приподнял бровь и повернулся к Юнасу, после чего медленно покачал головой.

— Вы живёте в паре шагов от входа в подобное место и оставляете своё дитя без присмотра?

Здоровяк покраснел.

— Все входы заперты, — оправдываясь, ответил он. — И патрулируются стражей.

— Это был призрак Ханберры! — завопила Мадга. — И он забрал моего Тамбрина.

Часть мрака соскользнула с Готрека.

«Ну конечно, — подумала Маленет, — стоило заговорить о духах и чудовищах, как он уже дышит здоровьем».

— Призрак? — спросила она, украдкой бросая взгляд через плечо.

В этом мире было мало того, чего она действительно боялась. Впрочем, сама она считала, что это скорее холодность, чем подлинная отвага. Но, как у приверженца Бога убийств, нежить вызывала в ней особое отвращение, которое в такую тёмную ночь можно было принять за страх.

Аланаэр покачал головой.

— Народный миф, используемый некоторыми зигмаритами.

— Это правда, — пробормотал Юнас, прикоснувшись к маленькому молотку, висевшему на шее. — Ханберра был героем старого города. Того, что стоял здесь до Молотохолла. Перед Бурей войны. Он пал, защищая его. Зигмар хотел было забрать его для своих грозорождённых воинств, но тот отказался, потому что в городе всё ещё оставались люди, которых он мог спасти.

— Его дети, — воскликнула Мадга. — Он бросил вызов молнии, чтобы вернуться за своими детьми. И он до сих пор их ищет.

— Это просто старая сказка, — сказал Аланаэр, — одна из тех, за которую уже ухватились азирхеймцы, чтобы показать, что бывает с теми, кто отверг Зигмара.

Маленет заметила, что Халик это не убедило, но она кивнула.

— Правда это или нет, но, так или иначе, Тамбрина видели направляющегося к холмам. Одного.

Мадга заплакала.

— Я верну его, Мадга, — сказал Юнас.

Халик и Аланаэр согласно кивнули.

— Пожалуйста, господин дуардин, — всхлипнула Мадга. — Вы можете? Пожалуйста?

Готрек нахмурился, но затем кивнул.

— Хорошо, я помогу отыскать твоего мальчика.

Маленет вздохнула.

Если повезёт, небольшое усилие станет той самой последней каплей, чтобы многочисленные яды в теле дуардина, наконец, сделали своё дело. В противном же случае, оставался шанс на то, что чудовища катакомб или призрак Ханберры сделают то, чего не удалось самой Маленет.

Убьют Готрека Гурниссона.

Лестница в катакомбы уходила в вечность. По крайней мере, на взгляд Маленет. Они спускались уже второй час, и пути по-прежнему не было видно конца.

Маленет задумалась, ждала ли Мадга их всё ещё наверху. Наверное. На мгновение ей показалось, что крестьянка собиралась спускаться вместе с ним, и только лишь слова Аланаэра смогли отговорить её от этой мысли.

По крайней мере, хотя бы шансы на то, что её обнаружит стража, были смехотворно малы. Патрули были до смешного малы и казалось их специально распределяли таким образом, чтобы собравшийся спуститься к катакомбы не испытал ни малейших затруднений. Впрочем, Маленет особо и не питала каких-то иллюзий относительно местных сил правопорядка, так что оказалась не сильно разочарована.

Попытавшись вспомнить красивое, залитое слезами лицо, смотревшее за тем, как они исчезают в старых подземельях под холмами в Душащих лозах, Маленет обнаружила, что не может этого сделать. Она вздохнула. Ей бы не помешало немного взбодриться.

Даже здесь, так глубоко под землёй кирпичная кладка кишела жизнью. Сорняки и неряшливые цветы покрывали ступеньки. Клубневые корни прорывались сквозь стены и потолок, заставляя всех, кроме Готрека, ходить пригнувшись, чтобы не удариться головой. Не единожды особо грубая преграда заставляла путешественников опускаться на брюхо и ползти по покрытым плесенью влажным ступенькам. Маленет ценила эти передышки, хотя Юнас, Халик, Аланаэр и Готрек явно не разделяли её мнение. Для неё это был шанс посидеть и немного растереть гудящие бёдра, пока остальные с пыхтением и руганью пробирались следом, кляня альвийку последними словами.

«Какую пищу получают здешние растения? — подумала Маленет. — Что они используют вместо солнечного света?»

Дни в Азирхейме тоже частенько бывали темны. В городе не было солнца, но залитый светом Зигендила, Высокой звезды, в самом сердце космоса, он разделял блеск триллиона звёзд. Возможно, единственно песнь Вечной Королевы заставляла их расти.

Она могла видеть в почти абсолютной темноте. Её слух и осязание были настолько остры, что она могла отлично справляться, даже и вовсе ничего не видя. Но даже ей стало не хватать дешёвого привозного света уличных фонарей Душащих лоз.

Егерь Халик взяла с собой факел, но не стала зажигать.

В этом не было необходимости.

Единственный свет, что сопровождал их в этом тёмном царстве, был свет от секиры Готрека. Зангромтаз, так на языке его создателей, унбакских огненных истребителей, он назывался. Пламя кузни, связанное с огромной огнебуревой секирой лизало его плоть и волосы бороды, не в илах отыскать себе пищу ни там, ни там.

«Ещё один эффект от пра-золота в его теле», — подумала Маленет. Она-то прекрасно чувствовала жар от топора. Пот тёк по лбу, ладони вспотели до такой степени, что она начинала сомневаться сможет ли вытащить оружие, даже если в этом возникнет необходимость. Сплётшаяся растительность от него засыхала, вызывая детскую радость у Истребителя.

Вес камня над головой Маленет казалось, стал ближе, и она поняла, что именно это, а вовсе не темнота,

беспокоит её сильнее всего.

В своих храмовых обязанностях она не встречала ни подземелья настолько глубокого, чтобы она не могла в него проникнуть, ни крепости, настолько хорошо защищённой, чтобы ей не удалось добраться до её сердца. Здесь играл роль аспект инстинкта убийцы, однако в конце концов всё сводилось к подготовке. Ещё с тех времён, когда она была послушницей, Маленет взяла за правило не открывать дверь, если перед этим не узнает о хотя бы паре других, через которые она смогла бы сбежать. Следование за Готреком куда бы этот тупоголовый болван ни решил отправиться, чтобы помахать своим топором, противоречило подобной привычке. Просто невозможно было нести привычную самоуверенность под зигмаритскими покрывалами, когда она не имела ни малейшего понятия, где находится и что ей предстояло делать.

Её рука скользнула к набору клинков, пристёгнутых к набедренной пластине из драконьей чешуи. Шея зудела, как будто за ней наблюдали. Как зефират в лабиринте садиста. Она почти боялась оглянуться назад, поражённая странной уверенностью, что если сделает это, то увидит, как миллионы тон гиранитского камня рухнут на лестницу у неё за спиной.

Заставив себя проглотить свои фобии, она собралась с духом и оглянулась через плечо, чтобы встретить их лицом к лицу. Следом за ней шёл Юнас, выглядевший испуганным, он горбился и постоянно поглаживал висевший на шее оберег в виде молота и шептал молитву Зигмару. За себя или за своего ребёнка Маленет не могла разобрать. Рука самой альвийки непроизвольно переместилась с ножей на амулет на её собственной шее. Медальон в виде серебряного сердца, скованного цепями. Небольшое окошко внутри открывало каплю крови. Крови, принадлежавшей её бывшей госпоже.

— Какой ещё у меня был выбор, миледи? — прошептала она. — Отпустить Истребителя? Вернуться в Азирхейм с пустыми руками? Орден выбросит меня на улицу, оставив на милость Храма. И, боюсь, последний, кто мог бы подарить мне безболезненную смерть, умер, когда я убила тебя, — она улыбнулась, немного воодушевлённая воспоминаниями о последней леди Ведьмин Клинок, тонувшей в крови её же собственного котла.

— С кем ты там треплешься, альвиечка? — спросил Готрек.

— С мёртвыми.

Истребитель фыркнул, но следующие несколько часов не говорил ничего.

Растительность стала жёлтой и чахлой, больной. Халик поплотнее натянула свой капюшон. И без того побитое лицо Юнаса исказилось ещё сильнее от отвращения, и он предпочёл запах своего локтя прогорклой сладости разлагающейся растительности. Аланаэр произносил молитву за молитвой, пока вконец не охрип, но лишь огонь секиры Зангром-таз, казалось, мог очистить растения от гнили. Эту милость Готрек оказывал с удовольствием и без каких-либо видимых признаков усталости.

Обоняние Маленет было во много раз острее, чем у её спутников, однако она решила не упоминать, насколько глубоко проникла зараза. Если бы она сделала это, то даже Юнас мог решить развернуться и отправиться восвояси. Убить Истребителя — это одно, но оставаться в живых достаточно долго, чтобы вырезать старшую руну из его тела, а затем скрыться с ней — совсем другое. Это была задача, выполнению которой, вне всякого сомнения, помогло бы наличие пары-тройки лишних тел, что могли

встать между ней и чудищем, что наконец-то прикончит старого дуардина.

— Здесь пустила корни порча, — пробормотала Халик.

— Правда? — спросила Маленет, пока Готрек Гурниссон с удалым хеканьем сносил очередную завесу из гниющей лозы, что встала у них на пути. — Что заставляет вас так думать? — егерь поджала губы, но ничего не ответила.

Маленет решила прекратить раздражать женщину. Просто иногда она ничего не могла с собой поделать.

— Кто построил эту лестницу? — поинтересовался Готрек. Он посмотрел вниз. Ступеньки вились, уходя от него, как если бы какой-то бог вонзил гигантский бур в самое сердце Гирана, только для того, чтобы увидеть, как тот окажется в ловушке в его богатой почве. — На них лежит печать мастерства гномов. Возраст этих ваших владений трудно представить даже тому, кто видел столько, сколько видел этот гном. Даже труды моего народа начали разрушаться, если бы их забросили на столь долгое время.

— Это невозможно, — ответил Юнас. — Народы Владений Смертных жили в невежестве до первого пришествия Зигмара. Он научил их, как возводить города и строить великие памятники, — здоровяк стал выглядеть оправдывающимся, когда Аланаэр и Халик обернулись и уставились на него. — Я не умею читать, но вы думаете, что я не могу слушать?

— Может быть и так, — протянул Готрек, пригнувшись ко тьме, недоступной для его топора. — Но кто, по-вашему, научил *его самого*?

Крякнув, Готрек опустился на одно колено и, морщась, потёр бедро.

Пол у основания лестницы вздыбился. Бледные сорняки и стволородные цветы, раздвинули и подняли каменные плиты. Но после шести часов спуска по лестнице, казалось, будто её ровняли сами Шесть кузнецов Грунгни. Хрипло дыша, с покрасневшим лицом, Аланаэр присел у одной из покрытых мхом колонн, обрамлявших вход на лестничную клетку, и вытянул ноги. Сейчас он, наверное, жалел о выпитом ранее пиве. Или, быть может, о том, что последовал за Юнасом и Халик.

Маленет осознала, что не очень-то знает о своих товарищах по этому приключению. И если катакомбы и вполнину столь же опасны, как она о том слышала, то сие вряд ли изменится. Даже грозорождённые не сумели вычистить их от зла.

Готрек стукнул себя по бедру и прорычал проклятие на полном согласных дуардинском наречии Обездоленных.

— Судорога? — хмыкнула Маленет.

— Хотел бы я посмотреть, останешься ли ты такой же проворной, альвиечка, дожив до моего возраста, — Готрек махнул своим приплюснутым гребнем на окружавшие их развалины. Цепочка в его носу громко звякнула в тишине. — Я вдвое старше этой развалины. Думаю, я неплохо держался, учитывая обстоятельства.

Халик опустила факел на питаемую рунами жаровню в навершии готрековой огнебуревой секиры. Факел быстро схватился пламенем и она отошла, высоко подняв его, чтобы оглядеться. Колеблющийся свет осветил тёмный коридор, по бокам которого стояли гранитные колонны. Некоторым из них была

придана фигурная форма. Впрочем, из-за скрывавших их уже бог знает сколько эпох пятен плесени и увядших лиан выяснить, кого они изображали, было невозможно. Как и предшествующая лестница, казалось, что этому коридору не будет конца.

— Мог ли парнишка забрести так далеко? — хватая ртом воздух, прохрипел Аланаэр, тяжело садясь на землю.

— Он не мог опередить нас более чем на час, — ответил Юнас.

«А это значит, что он мёртв не дольше одного часа», — подумала Маленет, но решила придержать эти мысли при себе.

— Мы не могли пройти мимо него, — заметила Халик. — Маленький ребёнок мог двигаться быстрее. Ему было бы легче опускаться по лестнице.

— Вы говорите о четырёхлетнем мальчике, — заговорила Маленет. — Часы брожения в одиночестве, в полной темноте. Почему бы ему не остановиться? Или повернуть назад?

Ни у кого не было ответа. По крайней мере такого, который мог бы им понравиться.

— Не знаю, — наконец, сдалась Халик.

Следопытка присела, лишь слегка скривившись, когда скрипнули старые суставы, и провела кончиками пальцев по участку сплюснутых стеблей и раздавленных цветов. Маленет знала, что ей не удалось бы сравниться с егерем Живого города, когда дело касалось выслеживания добычи, однако она тоже могла замечать следы.

Это был след. Небольшого размера. Такой, какой мог бы оставить ребёнок.

— Невероятно, — пробормотала Маленет. — Он действительно прошёл этим путём.

— Если ты сомневалась в этом, альвиечка, то зачем пошла? — хмыкнул Готрек.

Маленет предпочла не тратить впустую дыхание, отвечая на это замечание.

— Здесь есть и другие следы, — сказала Халик, махнув рукой над бледной травой, — но след Тамбрин единственный свежий.

— Значит, он забрёл сюда один, — с облегчением выдохнул Юнас.

— Похоже на то, — ответила Халик, поднимаясь на ноги. — И опережает он нас меньше чем на час.

— Тогда идём дальше, — сказал Готрек.

— Тамбрин! — закричал Юнас.

После нескольких часов, когда их разговоры ограничивались осторожным перешёптыванием, громкий крик заставил Маленет испуганно подпрыгнуть. Слоги отражались от колонн и уносились всё дальше во тьму коридора. Даже факел в руках Халик казался испуганным, его пламя резко задрожало, как будто от порыва сквозняка и по стенам забегали тени, напоминая стаю вспугнутых летучих мышей. Маленет прошипела ругательство на друхиррине, потянувшись к поясу с ножами, когда Юнас косолапо пробежал мимо неё, устремившись в пустынный зал.

— Тамбрин! — снова выкрикнул он.

— Умолкни, придурок, — раздражённо прошипела альвийка.

— Пусть кричит, альвиечка, — заговорил Готрек. — Если землянок говорит, что парнишка близко, значит он близко.

— А что, если услышит кто-нибудь ещё? — огрызнулась Маленет.

Готрек ухмыльнулся, сверкнув красно-золотым в свете факела зубным оскалом.

— Ну, и хорошо.

— Справедливо, — заметила Маленет. — Что ж, пока мы понимаем друг друга.

— Тамбри...

Деревянная дубинка вылетела из-за колонны прежде, чем Юнас успел договорить. И с ужасным влажным звуком врезалась прямо в середину его лица. Здоровяк рухнул, словно мешок с зерном. Как только тело могучего задиры коснулось каменных плит, раздался дикий визг и из бесчисленных укрытий за колоннами, среди крошащейся кладки и висящих растений выскочили воины-крысы. Их одежды были грязными и рваными. Их лица скрывали глубокие капюшоны, оставляя видимыми только тронутые гнилью вытянутые морды с влажными носами и жёлтыми кривыми и треснутыми зубами.

— Скавены! — закричала Маленет. — Чумные монахи.

Теперь до неё дошло, что монахи не зря выбрали этот зал для своего логова. Они отлично понимали, что любой потенциальный авантюрист, желающий пройти через катакомбы из Душащих лоз, уже измученный спуском, не мог миновать этого места. Преобладание дубинок и сетей в лапах крысолюдей ясно говорило Маленет о том, какая участь предназначалась монахами для подобных дураков.

— Они хотят захватить нас живыми, — воскликнула она.

— Ха!

Готрек высоко поднял секиру и, громогласно взревев, устремился на приближающуюся орду. Огонь стелился за вскинутым орудием, словно кометный хвост. Первый же удар рассёк чумного монаха надвое. Однако следом на него устремилось ещё три вооружённых более тяжёлым оружием крысиных бойца, пока дуардин ещё был окутан и наполовину ослеплён багровой дымкой.

Маленет услышала шквал ударов, за которым последовал гневный крик.

Подумав, она решила предоставить Истребителю самому разбираться со своими проблемами.

К тому же пришёл и её черёд. На неё с визгом нёсся чумной монах.

Из чёрного провала беззубого рта лилась жёлтая пена, пятная грязный капюшон твари. Маленет позволила существу приблизиться на расстояние вытянутой руки, а затем изящно перемахнула через его сгорбленную спину, сделав в воздухе «колесо». Одной рукой она вытащила кинжал, а другой ухватилась за складки нечистого капюшона на затылке крысы. Та испуганно взвизгнула, но всё ещё бежала вперёд, когда ноги Маленет коснулись пола за спиной крысолюда. Она резко дёрнула на себя, и пол ушёл из-под лап крысолюда. Тут же резко упав на колени, альвийка развернулась и вонзила кинжал в брюхо бежавшего следом за первым крысочеловека. Его собственный импульс распорол крысюка, позволив кинжалу Маленет добраться до прогнивших сердца и лёгких твари. Выкованный из целестита и

гравированный смертоносными благословениями Кхаина, её клинок оставил рану достаточную, чтобы прикончить даже более жизнестойких созданий.

Кроме, похоже, той жизни, которую она хотела забрать больше всего.

Маленет сполна насладилась ужасом на морде чумного монаха, пока того покидали остатки жизни.

Потратив лишь миг, она снова развернулась.

Монах, которого она бросила на пол, уже вскочил. Скавены были быстры. Столь же быстры, как она, если не быстрее. Он мчался к ней на всех четырёх лапах, оскалив зубы, словно взбесившийся пёс. Раздался *свист, стук*, и из глазницы монаха появилось остриё стрелы. Он дёрнулся разок, как если бы был удивлен чему-то у себя за спиной, а затем замертво рухнул на камни пола.

Халик хмыкнула, как будто сама удивившись тому, что всё ещё была достаточно сильна, чтобы натянуть тетиву, и зорка, чтобы послать её в цель, а затем развернулась и послала в гущу битвы вторую.

Эта пошла уже не столь метко.

Губы Маленет скривились в усмешке. Длинным ногтем она постучала по талисману на воротнике. *Неудивительно, что азиритские ведьмы идут на всё, чтобы оставаться молодыми.*

Скавены, похоже, сосредоточили все свои убийственные усилия на том, чтобы прикончить Готрека. Их предводители видимо пришли к выводу, что быстрое убийство дуардина позволит им легче захватить троих людей и альвийку. Наверное, они были правы. Маленет тоже пришла бы к подобному решению.

Монах в более богато украшенных одеждах присел на куче щебня прямо на границе света, испускаемого дико рассекающей пространство секирой Готрека. Скавен напялил на себя кремово-белую мантию и митру, украшенных мухами, навозными шариками и паутиной. Обеими забинтованными руками он размахивал посохом, на конце которого раскачивалось кадило, заполняя весь коридор зеленоватым дымом, касание коего доводило крыс до новых высот бешеного исступления.

Готрек взревел и попытался добраться до скавена-жреца, но неожиданно обнаружил, что зажат непреодолимым валом из сочащихся гнилью лишайных тел.

Стоявший на лестнице позади них Аланаэр начал петь слова на сивланском языке, от которых больные корни, оплетавшие стены, начали корчиться от муки. С потолка посыпалась пыль и на мгновение Малеленет испугалась, что воин-жрец собирается обрушить на их головы весь зал.

Затем седовласый жрец поднёс раскрытую ладонь к губам и дунул. И в ответ по залу пронеслась буря, вместе с вихрем из могильных листьев. Сила заклинания сбила скавенов с ног и отшвырнула через залу прямо к их злобному лидеру. Ветер воина-жреца бросил в лицо чумному жрецу испарения из его собственной кадила и крысолюд бешено замахал лапами.

Маленет увидела возможность и не преминула ей воспользоваться.

Она побежала, перескакивая через кое-как поднимавшихся с земли оглушённых скавенов, мчась к их пагубному вожаку. Она была быстрой, превратившись почти в размытое пятно, за секунды преодолев около сотни шагов. Последние несколько метров она превратила в прыжок и взвилась над чумным жрецом с занесённым кинжалом.

— За Кхаина!

Она опустила кинжал на горло скавена, намереваясь распороть его до самого брюха, но её клинок неожиданно вонзился вместо податливой поражённой болезнями плоти в заплесневелое дерево. Рефлексы скавена потрясали. Жрец зашипел, обнажив клыки, и крутанул посохом Маленет изогнулась в бок и плесневелая деревяшка разорвала воздух над её грудью, лишь немного разминувшись с альвийкой. Жрец, вереща, развернулся, кадило на навершии посоха издавало низкий гул, пока он всё сильнее и сильнее раскручивал его над головой, а затем резким взмахом обрушил его на Маленет.

— За Зигмара!

Она выбросила вверх пятку и врезала жрецу по морде, разворачивая его кругом, и используя инерцию удара, чтобы увернуться от чумного кадила, что с гудением пропахало воздух над её головой. Огромный бронзовый шар расколол плиту, следующую за той, на которую она упала. Свистящие осколки пропороли её доспехи из драконьей кожи. Ядовитые пары накрыли её с головой. Глаза наполнились жгучими слезами. Обнажившаяся под порванной бронёй кожа отчаянно зачесалась. Кашляя, она на спине поспешно отползла от расползающихся чумных паров.

Захихикав, жрец спрыгнул с насыпи и устремился за альвийкой.

«Да, — призналась сама себе Маленет, — это не совсем тот обезглавливающий удар, который она себе представляла».

Уже начали приходиться в себя разбросанные вихрем Аланаэра монахи. Некоторые даже оторвались от Готрека, привлеченные суматохой и пронзительным смехом чумного жреца. Выругавшись, она обернулась на Истребителя, и сразу же отыскивала ещё одну причину, коя могла побудить самых изворотливых из крысолюдей оторваться от Готрека и найти себе другую цель.

Готрек Гурниссон загорелся. Он превратился в испускавшее искры жидкое золото, отлитое в форме дуардина. Пламя становилось всё ярче, пока Истребитель прорезал кровавую тропу сквозь визжащих чумных монахов, живя за счёт его ярости и подпитывая ею его же. Его секира двигалась с такой скоростью, что Маленет казалось, будто у него в руках их две, воздух вокруг него был изрезан огненными следами. Жара была настолько невероятной, что Халик и Аланаэр даже и помыслить уже не могли о том, чтобы присоединиться к схватке. Жрец и следопытка отступили в укрытие в тени лестничного проёма. Периодически слова молитвы прорывались сквозь рёв пламени, но в остальном Истребитель фактически отрезал своё — и Маленет — единственное подкрепление и помощь. И всё же чумные монахи умудрялись выдерживать близость дуардина и продолжали атаковать его, что служило лишним свидетельством их нечестивой стойкости, дарованной им гиблой пагубой.

Издав раздражённое рычание, Маленет оторвала взгляд от приближающегося чумного жреца и огляделась вокруг. Выход. Место, где можно укрыться. *Хоть что-нибудь.* И тут она увидела это. Оно, скрытое за двумя увитыми плющом колоннами было так тонко врезано в стену и так хорошо спрятано, что она сперва даже не заметила его. Это была арка. Чувство мрачности и беспричинного страха исходило от неё, холод пробежал через её тёмно-лиловые глаза, а оттуда по редко используемым путям прямо в сердце Маленет. Её рычание превратилось в дрожь. Что-то в арке побуждало её двигаться дальше и изгнать любые мысли о том, чтобы приблизиться к ней, но... иного места, где можно было бы укрыться, боле не было.

Но когда она, преодолев собственное нежелание, вскочила на ноги и устремилась к арке, крысы, преследующие по пятам, с визгами ужаса бросились врассыпную. Маленет осмелилась бросить быстрый взгляд через плечо. Чумной жрец тыкал в улепётывающую Маленет грязным когтем и верещал на

съёжившихся монахов Маленет ни слова не понимала из этой щебечущей речи, что, в некотором роде было маленькой трагедией для крысы-жреца, ибо это были его последние действия в этой жизни.

За спиной крысолюда возник Готрек.

Истребитель стал огромным. Мышцы наполнились дарованной руной мощью. Его здоровый глаз сверкал, как только что отчеканенная монета. Даже его глазная повязка была окружена золотым сияющим ореолом. Пламя охватывало тело дуардина.

Маленет знавала многих обладателей великой силы. Она была свидетельницей устрашающих ритуалов, выполненных магистрами Коллегии Колдовства, и в своё время положила конец жизни не одному вольному колдуну. Но даже последние отчаянные заклятия одержимых Хаосом чародеев были сдержанными и контролируруемыми по сравнению с тем, что видела Маленет сейчас. Как будто кто-то или *что-то* дохнуло драконьим пламенем на тонкую нить, отделяющую Гиран от эфира, кружащегося в пространстве за пределами его сферы. Раскрывая мёртвые звёзды и гневных божеств, что пребывали там, во всём их гневном великолепии.

«Чем раньше я вытащу из него эту руну, тем лучше», — подумала Маленет.

С воем, от которого сотряслись корни самого Гирана, Готрек рассёк чумного жреца надвое. Обе половинки сгорели в пламени даже до того, как успели коснуться раскалённых камней пола. Истребитель вдыхал и выдыхал его, плюясь искрами, словно раскалённый металл в горне. Те скавены, что ранее оказались достаточно умны, чтобы выбрать себе другую цель, завизжали от ужаса при виде того, во что превратился дуардин. И прошёл лишь миг, прежде чем твари сломались и рванули прочь, оглашая тьму полными ужаса визгами.

Маленет не думала, что они вернутся, однако заметила, что ни одно из порченных созданий не выбрало замеченный ею туннель, даже если тот и был для многих из них ближайшим путём к спасению. Тяжело дыша, Халик вышла из своего укрытия под лестницей и пошла к ним, бросая опасливые взгляды на Истребителя. Однако тот не двигался с места, застыв над обломками пьедестала чумного жреца. Теперь тот превратился в пирамиду из камней, оплавленных до состояния стекла огнём и магией, которые Готрек невольно направил на него. Стекланный комок трещал и скрипел под весом дуардина, постепенно остывая. Тот тяжело дышал, от его охлаждающейся кожи исходил пар.

Вероятно, было слишком оптимистично надеяться на то, что это начал действовать коктейль из ядов в его крови. Если где-нибудь в планах бытия и существовал токсин, способный выдержать подобное руническое пламя, то он находился под ревнивой защитой азиритских ведьм — в ожидании того дня, когда самому Зигмару предстоит почувствовать на себе прикосновение кинжала Кхаина.

— Во имя бури Зигмара, что это было? — спросила Халик.

Маленет слабо улыбнулась и покачала головой. История была слишком длинна, и рассказ её требовал больше сил, чем у неё сейчас оставалось, да к тому же она не была уверена в её конце.

Аланаэр присел рядом с Юнасом.

— Он жив, — сказал воин-жрец, усаживая здоровяка, и ухмыльнулся, когда тот выплюнул очередной зуб.
— Хотя, думаю, он больше не сможет разбивать сердца юных леди этим лицом.

Халик нашла в себе силы, чтобы нервно усмехнуться.

— Скавены, — пробормотала она, и усмешка исчезла.

— Полагаю ещё больше трусливых приспешников Танкуоля, — заговорил Готрек. Дуардин двигался медленно, подобно ожившей статуе, превратившиеся в стекло кровь и пыль стекали с его плеч. Судорожно вздохнув, он закашлялся. Затем большим пальцем вытер кровь с нижней губы и поднёс его к глазу. Пару секунд спустя он хмыкнул и засунул его в рот. — Отголоски войны по ту сторону врат Штормового ущелья. Скавенов никогда не перебить полностью.

— Нет, — покачал головой Аланаэр, — слуги Великого Осквернителя давно мечтают о владении моей королевы. Я думаю, что их появление здесь предшествует вторжению их Серого Владыки в Молотохолл-Акши. — Что ты отыскала здесь, тёмная? — поинтересовалась Халик, глядя на арку, обнаруженную Маленет. Её шаги заметно замедлились, когда следопытка посмотрела на неё. Слегка вздрогнув, она протянула руку, намереваясь коснуться внутренней части каменной арки, но заколебалась и, в конце концов, отдернула руку, так и не коснувшись камня. — Тамбрин прошёл здесь, — выдохнула она. — Здесь на земле следы и это не следы скавенских лап, — егеря остановилась и наострила уши. — Вы слышите?

Маленет прислушалась, а затем кивнула, впечатлённая. Да, Халик определённо была хороша.

Для человека.

— Шаги, — сказала она.

— И принадлежат одному, — добавила Халик.

— Он каким-то образом обошёл закрытую дверь, дозорный патруль, а теперь ещё и засаду скавенов, — заметила Маленет. — Он принадлежит храму Кхаина, этот ребёнок, — развернувшись, она присоединилась к старому егерю в её исследовании арки. — Отсюда несёт гнилью и падалью. Что бы ни обитало за пределами этого портала, сейчас, боюсь, оно не под силу даже самому Кхаину. Некоторые вещи лучше оставить похороненными навсегда.

Готрек поднялся на ноги, звякнув цепью и треща уже наполовину погасшим пламенем. Даже Маленет была вынуждена поразиться его решимости. Ведь всё дело было в мифе о том привидении, Готрек Гурниссон наверняка беспокоился о мальчишке даже меньше, чем Маленет, а ей было совершенно наплевать на человеческого мальчика. Со смесью изумления и разочарования, ставшими за последнее время до боли знакомыми ей чувствами, альвийка наблюдала за хромающим в её сторону Готреком.

— Ну, и чего стоим? — поинтересовался Истребитель. — Впереди нас ждёт чёрная работёнка.

После того, что он сотворил с чумными монахами, никто не нашёл в себе силы, чтобы с ним спорить.

Холодный синий свет сиял из прохода за аркой. Вялые движения заполнявшего коридор тумана взбалтывали и разгоняли его. Это напоминало погружение в воду. Маленет ощутила, что её дыхание стало более учащённым, но при этом захватывало меньше воздуха. Она изучающе оглядела стены. Иней покрывал сорняки и мхи, покрывавшие их древнюю каменную кладку, но если не считать этого, то в остальном растения выглядели вполне здоровыми. Воздух в этой части подземелья пах чистотой. По какой-то причине эта первозданная чистота беспокоила её больше, чем зловоние предыдущей залы. Это было бесплодие заброшенности. Ничто не могло претендовать на эти залы. От одного этого сердце Маленет дрогнуло.

С усталым скрипом Халик подняла лук.

Прицел егеря дрогнул.

— Зигмар, храни нас.

Маленет отдернула руку от покрытой инеем стены и подняла взгляд. Её глаза были острее, чем у человека-следопыта. Но в этот момент ей захотелось, чтобы это было не так.

За то мгновение, что она оторвала взгляд от стены и развернулась, туман успел рассеяться. Точнее что-то рассеяло его. Молочные завитки цеплялись за стены коридора совершенно неестественно, дрожали, как холодная кожа, и купались в голубоватом свете. В доходящем до щиколоток тумане открылась фигура выше человеческого роста. Её тело было сформировано из потрескивающей энергии. Длинный плащ и ребристые, похожие на листья падуба доспехи отфильтровывали исходящее от него сияние. Он повернул голову, чтобы бросить взгляд через плечо, и сердце Маленет почувствовала, что её сердце вот-вот остановится. Чёрный шлем скрывал его лицо клубящимися тенями. Одной искрящей синей рукой он вёл маленького мальчика. Если бы кто-нибудь мысленно распрямил уши и выправил нос, то сходство с Юнасом было бы поразительным. Несмотря на то, что мальчик стоял прямо, казалось, что он спал.

— Тамбгин, — произнёс Юнас. Из-за последнего перелома его слова превратились в испуганный гундёж. — Ягость Сигмара, — он стряхнул поддерживающую его руку Аланаэра и, дрожа, пошёл вперёд, протягивая руку к своему сыну. — Я здесь, Тамбгин.

Тень притянула мальчика ближе к себе.

— Уходи, дух, — заговорил Готрек, поднимая топор. Огни кузни на нём отгоняли тени с его лица, заполняя складки в нём новыми. — Отпусти ребёнка и боле не ходи среди живых.

Создание полностью развернулась, чтобы рассмотреть их, при этом закрыв мальчика спиной. Он скорее мерцал, нежели двигался. Его очертания становились то чётче, то вновь расплывались с ужасной вибрацией, как если бы он был лишь слабо привязан к живому миру.

— Чего вы ждёте? — прогундел Юнас. — Стгеляйте.

Маленет не была уверена, исполнила ли Халик требование Юнаса, или же просто ужас ослабил её хватку на тетиве.

В футах от рваной брони на груди призрака стрела рассыпалась. Слово пролетев тысячу лет в мгновение ока, древко обратилось в труху, как палка, попавшая в паровой измельчитель харадронцев. Хрупкий клин ржавой и едва узнаваемой стали стукнулся в грудь призрака и упал на пол. Привидение с хрустом раздавило его. Затем оно подняло взгляд. И Маленет задохнулась от ужаса, когда его шлем расплылся, открывая то, что было под ним. Из-под капюшона теней выглянуло лицо-череп, чьи глаза полыхали зловещими молниями. Вдох застрял в глотке и отказался выходить. Она ощутила, как он замёрз в её лёгких, где укрылся, выпустив сосульки прямо ей в сердце. Её рот растянулся в безмолвном крике, чёрные волосы медленно становились белыми.

А затем призрак закричал.

Он поразил Маленет, подобно молнии. Что-то внутри неё цеплялось за плоть и кости, как тонущая женщина за обломки разбитого корабля во время шторма. Краем глаза она увидела Халик, когда из тела следопытки была вырвана душа. Бледные и эфемерные руки попытались ухватиться за тело, удержать

его, но прошли насквозь, не в силах предотвратить падение трупa. С жалобным воплем развоплощённая душа растворилась в эфире. Маленет стиснула зубы. Юнас упал на землю, закрывая уши руками. Аланаэр кричал. Вновь и вновь. Как будто чтобы заглушить крик банши звуком собственного голоса.

— Это призрак Ханберры! — взвыл воин-жрец, держа молот перед собой, как будто его крестовидная тень могла отгородить человека от призрака. — Клянусь моей Королевой, это правда. Герой, вырвавшийся из молнии Зигмара, чтобы вернуться к своей семье.

Даже без мрачной легенды Маленет догадалась бы, что это был не простой призрак. Пустые залы. Ужас скавенов. Внешний вид и одежда — всё давало понять, что это был дух великого героя при жизни. Но смерть разрушила его до тех пор, порка не осталась лишь самая глубокая сердцевина прежней личности воина.

Единственная цель.

— Я сказал — отпусти его, — произнёс Готрек.

В отличие от других, Истребитель выглядел просто слегка утомлённым, как если бы его однажды обожгло солнце Ходячих холмов Утана и ветры Шаиша больше не могли его коснуться. Маленет искала предостерегающего блеска рунного огня, но тщетно. Старшая руна оставалась холодным куском металла в груди Истребителя. Возможно, это стало следствием той огромной силы, что он высвободил ранее, и теперь ей требовалась перезарядка. Не то, чтобы в данный момент это стало для Маленет очень уж большим утешением.

— Аттай мне моево сына, — прорычал Юнас. — Он мой, а не твой.

— *Он мой, а не твой.*

Слова вернулись им эхом, словно вышли из глубокого колодца.

Маленет вздрогнула.

Призрак Ханберры не двигался. В одно мгновение он стоял прямо перед ними, а миг спустя он уже развернулся и склонился над мальчиком-лунатиком. А потом он вновь оказался перед ними, парнишка лежал на его руках, проваливаясь сквозь них, как будто его утягивало ледяным вдохом самых глубин земли.

— Тамбгин! — взревел Юнас и бросился в атаку.

Готрек одной рукой поймал его за потёртое, покрытое шрамами запястье. Несмотря на то, что едва доходил здоровяку до груди, он, казалось, без особых усилий остановил напор человека.

— Не будь идиотом, мужик, — сказал он каменным голосом. — Ты уже однажды подвёл мальчика. Не подведи его сейчас, умерев, — Истребитель дёрнул Юнаса за руку, легко свалив на пол. После чего посмотрел на замершего впереди призрака. — Твой мальчик мёртв, дух, как и ты. Отпусти его и сразись с гномом примерно твоего возраста. Мой топор дарует тебе освобождение, кое ты ищешь.

Дух издал погребальный стон.

— *Освобождение.*

Его плащ взвился вокруг него, подобно крыльям летучей мыши, и миг спустя в руке появился воистину

чудовищных размеров боевой молот. Другой рукой он по-прежнему прижимал всё ещё спящего мальчугана.

А затем с гулким шипением раздвигаемого воздуха он нанёс удар.

Готрек пригнулся в последний момент.

Молот пробил дыру в его волосяном хохле и раздробил кусок стены. Каменная пыль прошла насквозь через злобного призрака и окрасила Истребителя в серый свет. Готрек стряхнул его с головы, поудобнее перехватил секиру, а затем вонзил её прямо в тело духа. Красные руны на обоих лезвиях его орудия вспыхнули, словно угли только что вытащенные из костра. Тень замерцала и огнебуревая секира Готрека рассекла обрывки эфира. Однако призрак повторно материализовался в дюжине футов от них. Быстрее, чем Маленет могла уследить за ним, он снова переместился, его молот уже не торчал из расколотых плит над головой Истребителя, теперь он воспарил над потрескивающим эфиром черепом духа на полпути замаха вниз.

Дуардин бросился в сторону, и молот расколлот плитку, на которой тот стоял лишь мгновение назад. Готрек приземлился на спину, лязгая наплечником и выплёвывая напоминающее скрежет гравия ругательство. Дуардин был невероятно крепким, однако ловкостью он не отличался.

Аланаэр начал петь.

Лёд, сковавший каменную кладку вокруг ног Ханберры, потрескался и зашипел. Лозы вылезли из-под ледяной корки, вцепляясь края более твёрдого доспеха духа. Побег пробился вверх по его ноге и потянулся к спящему ребёнку.

Тень притянула Тамбрина к себе, шипя: *«Он мой. Не твой»*. Затем, он вдохнул порыв аметистовой магии, повернулся к воину-жрецу и закричал.

Крик сбил Аланаэра с ног и швырнул по коридору. Пролетев несколько метров, жрец упал на пол и несколько раз перекатился. Маленет не знала, умер он или просто потерял сознание. Во всяком случае, больше он не поднимался.

В полной мере воспользовавшись тем, что создание отвлеклось, Готрек, всё ещё лёжа на камнях, резанул его по щиколоткам. Лезвие из огнестали прошло сквозь ногу духа, оставив мерцающую полосу синей энергии и золотого огня в месте разреза. Призрак оступился и начал терять форму, визжа от ярости. А затем пнул Готрека ногой, и Маленет была вынуждена закрыть руками свои чувствительные уши. Раздался взрыв и вспышка, как будто от удара молнией, и Истребителя швырнуло через коридор. Готрек влетел в туман, погрузившись в него, как камень в воду, а затем, пролетев его насквозь, врезался в камень стен.

Пару мгновений спустя он уже снова был на ногах, стряхивая каменную крошку со своего гребня.

«Вот оно, — подумала Маленет, — гибель Истребителя».

Наконец он мог умереть. Она сможет извлечь руну из его останков и, если поспешит, то, хоть и поздно, вернётся в Азир с триумфом.

Меж тем Готрек оттолкнулся от стены и ринулся на призрака. Ханберра попятился, подняв свой чудовищный молот в оборонительную позицию. Маленет нахмурилась. Она видела, что призрак сражается не в полную силу. Казалось, он был больше сосредоточен на защите ребёнка, которого по-

прежнему держал в руках, чем на том, чтобы одолеть Истребителя.

«И этого, — подумала Маленет, — будет недостаточно».

Она порылась в остатках содержимого своих многочисленных мешочков и карманов. Из-за слишком долгой миссии она уже долгое время не посещала рынки крови Азирхейма, а бесплодные попытки придумать отраву, что точно бы упокоила Готрека Гурниссона, лишь сильнее истощали её запасы. Но у неё ещё осталось несколько трав. Яды, до которых у неё ещё не дошли руки. Пальцы Маленет сомкнулись на твёрдом орехе «упырьей гвоздики» и она вытащила его из мешочка. Он был твёрдым, ребристым и белым, как кость. Она поцеловала его, прося благословение Кхаина, а затем растёрла в порошок на тыльной стороне ладони. Вскочив на ноги, она устремилась к сражающимся Готреку и Ханберре и, ворвавшись в самый разгар очередного обмена ударами, с криком втёрла порошок в руку духа, руку, державшую мальчика. Дух завизжал, когда его рука и плечо задрожали, теряя плотность.

Концентрированная и должным образом введённая доза свежесобранной упырьей гвоздики служила для изгнания духов и доставила бы дискомфорт даже мортарху, хотя Маленет и не хотела бы когда-нибудь проверять последнее утверждение на практике. Имея лишь сушёную гвоздику, всё, на что она могла надеяться — временная потеря телесности, но сейчас именно это и было всем, что ей было нужно. Тень отчаянно пыталась удержать ребёнка, но её усилия были столь же тщетными, как ранее попытки души Халик удержать её собственное тело. Рука призрака превратилась в густой туман. Ребёнок провалился сквозь него. Дух закричал от боли. Маленет поднырнула, подхватив мальчика прежде, чем он успел удариться о каменный пол, а затем перекатилась, защищая его своим собственным телом.

Она вышла из переката, не докатившись пары шагов до стены, и остановила движение выставленной ногой. Мальчик лежал под ней, раскинув пухлые руки и ноги. Удивительно, но он по-прежнему спал.

Позади неё бушевал дух.

Эфир поднимался от оборванной фигуры, словно дым. Он сжал вновь обрётший плотность кулак и перехватил свой чудовищный молот двумя руками, а затем, визжа от ярости, начал, запинаясь, торкаться туда-сюда по текущему контуру.

— Тамбгин! — закричал Юнас, однако остался на месте.

Маленет обнажила в ухмылке безупречные зубы.

«Что ж, — подумала она, — теперь ты, похоже, стал серьёзен. Возможно, теперь ты избавишь меня от этого докучливого дуардина».

Измученный даже сверх своей невообразимой силы, но по-прежнему непокорный, Готрек поднял взгляд, чтобы встретить свою гибель. Его единственный глаз встретился с глазами Ханберры и, по какой-то, непонятной для Маленет причине, дух на мгновение заколебался. Казалось, что заблудшая душа и древний дуардин обрели неожиданное взаимопонимание. Боль, которую они разделяли. Боль, которая сломала одного и создала другого.

— Он мой. Не твой.

— Нет, — ответил Готрек. — Он из мира живых. Уходи, дух. Ищи своего мальчика в Землях мёртвых.

— Мёртвых.

Рука Ханберры скользнула к глазницам. Твёрдый череп тени посмотрел на них так, как будто видел их

такими, какие они были на самом деле, впервые за тысячу лет. Его боевой молот превратился в облако поднимающегося над ним пепла. Доспех начал отслаиваться, молнии заструились вокруг застрявшего под ним духа человека.

— *Мёртвых.*

— Да, — сказал Готрек. — Он мёртв. И это была твоя вина. И нет. От этого не станет лучше. Так что уходи, дух. Уходи и обрети покой.

— *Его звали Хангхарт,* — произнёс дух, словно вспомнив драгоценное откровение, которое считал забытым уже давным-давно. — *Зигмар, прости меня,* — его развоплощение ускорило. Послышался приглушённый *грохот*, как будто где-то под землёй ударила молния, и призрак Ханберры исчез в клубах дыма, его последние слова были дыханием мёртвого ветра. — *Я никогда не должен был уходить.*

Маленет с ужасом уставилась на редящее облако.

Откуда-то позади раздался кашель проходящего в себя Аланаэра.

— Это было храбро, альвиечка, — заметил Готрек. Дуардин выпрямился и неторопливо направился к ней. Она не стала протестовать, когда он наклонился и забрал у неё ребёнка. Тамбрин был коренастым мальчиком и явно обещал в будущем вырасти в крупного мужчину, но сейчас в могучих руках Истребителя выглядел долговым и длинноногим. Он зашевелился и зашлёпал губами. Готрек успокоил его несколькими грубыми согласными звуками того, что могло бы для ушей, настроенных на звук кирок, долбящих по камню, и стук молотов по наковальням, сойти за колыбельную. Улыбка, тревожащая странным отсутствием враждебности, расплылась на его покрытом шрамами лице. — Может быть, ты ещё не совсем безнадежна.

— Готрек, — начала Маленет.

Лицо дуардина вновь стало твёрдым.

— Ладно, альвиечка. Пора возвращаться.

— Ты хочешь сказать, ты *действительно* хочешь сказать, что старый злобный Истребитель, которого я знаю, на самом деле полез в эти катакомбы, чтобы спасти человеческое дитя?

Готрек мельком глянул на ребёнка в своих руках.

— Конечно же, нет, — ворча себе под нос, он передал мальчика в сокрушительные объятия Юнаса. — Но ты же сказала, что я оставил там пиво без присмотра.

Источник —

[https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Один_без_присмотра_/_One_Untended_\(рассказ\)&oldid=21636](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Один_без_присмотра_/_One_Untended_(рассказ)&oldid=21636)

Эта страница в последний раз была отредактирована 13 ноября 2022 в 15:38.